

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9

EDN: HUXUFB

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-9

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ОПЫТ ФРАНЦИИ

Владислав Георгиевич Романовский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ur406@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровизация общественных отношений приобретает такие масштабы, когда все сферы социального взаимодействия формируются в киберпространстве и с помощью инновационных технологий. С учетом того, что большинство технологических решений такого взаимодействия строится на основе продуктов, разрабатываемых гигантами индустрии, находящимися в основном в США, во многих странах предлагается концепция цифрового суверенитета. Одной из первых стран в мире, заявивших о новом подходе к верховенству государственной власти, стала Франция. Основная цель исследования – анализ политико-правовой доктрины цифрового суверенитета, сформулированной во французской публично-правовой науке. Исходя из этой цели, определены основные задачи: выделить содержание концепции цифрового суверенитета, а также рассмотреть его проявление в законодательстве Франции и институциональной системе государственного управления. *Материалы и методы.* Эмпирическая база основана на доктринальных источниках французской юридической науки, на аналитических докладах, подготовленных для органов государственной власти Франции при обосновании ее технологической автономии от неевропейских компаний, предоставляющих различные цифровые услуги. Основной метод исследования – сравнительно-правовой, что обусловило изучение французских источников и их представление российской научной общественности. *Результаты.* Подчеркивается, что первичное провозглашение цифрового суверенитета во Франции столкнулось с реальной действительностью: цифровые технологии во многом развиваются по своим регламентам, которые формируются не благодаря юридическим правилам, а в соответствии с особенностями своего функционирования. *Выводы.* Доказано, что продвижение концепции цифрового суверенитета на данном этапе – значимый вектор государственного развития. Опыт Франции может быть учтен при построении собственной идеи цифрового суверенитета Российской Федерации (при соблюдении российских правовых традиций).

Ключевые слова: суверенитет, государство, верховенство, цифровизация, киберпространство, интернет, Франция

Для цитирования: Романовский В. Г. Публично-правовые основы цифрового суверенитета: опыт Франции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2. С. 86–96. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-9 EDN: HUXUFB

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

PUBLIC LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITAL SOVEREIGNTY: PRACTICES IN FRANCE

Vladislav G. Romanovsky

Penza State University, Penza, Russia

vp406@mail.ru

Abstract. *Background.* The digitalization of public relations is acquiring such scales when all areas of social interaction are formed in cyberspace and with the help of innovative technologies. Given that most technological solutions for such interaction are based on products offered by industry giants located mainly in the United States, the concept of digital sovereignty is being proposed in many countries. France was one of the first countries in the world to announce a new approach to the supremacy of state power. The main goal of the study is to analyze the political and legal doctrine of digital sovereignty, formulated in French public law science. Based on this goal, the main tasks are to highlight the content of the concept of digital sovereignty and to consider its manifestation in French legislation and institutional system of public administration. *Materials and methods.* The empirical basis of the study is based on doctrinal sources of French legal science and on analytical reports prepared for French public authorities to justify technological autonomy of France from non-European companies providing various digital services. The main method is comparative legal analysis, which enables examining French sources and their presentation to the Russian scientific community. *Results.* The article emphasizes that the initial proclamation of digital sovereignty in France collided with reality: digital technologies are largely developing according to their own regulations, which are formed not thanks to the legal rules, but in accordance with the features of their functioning. *Conclusions.* It has been proven that promoting the concept of digital sovereignty at this stage is a significant vector of state development. The practices in France can be taken into account when constructing the idea of digital sovereignty in the Russian Federation (in compliance with the Russian legal traditions).

Keywords: sovereignty, state, supremacy, digitalization, cyber space, Internet, France

For citation: Romanovsky V.G. Public legal foundations of digital sovereignty: practices in France. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(2):86–96. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-9

Понятие цифрового суверенитета стало актуальной темой современных научных исследований. В Российской Федерации данная проблематика актуализировалась в силу введения различных санкций, направленных против технологического развития страны. Основной акцент связан с особенностями функционирования цифровых технологий, которые преодолевают территориальное пространство вне каких-то национальных ограничений. Это приводит к серьезной трансформации большинства институтов, направленных на обеспечение организации и деятельности государства. Таким образом, цифровой суверенитет выходит за рамки технологического суверенитета, нацеленного на создание собственной промышленной базы, позволяющей вне зависимости от иностранных компаний создавать и реализовывать отечественные разработки в области новейших информационно-коммуникационных технологий. Цифровой суверенитет выступает продолжением классического понимания верховенства государственной власти, распространения ее сферы на онлайн-пространство.

При обращении к теме цифрового суверенитета первые ассоциации связаны с Китайской Народной Республикой [1, 2]. Следует согласиться, что достижения этой страны в области обеспечения собственной кибербезопасности, в регулировании оборота персональных данных, во внедрении инноваций в практику публичного администрирования производят положительное впечатление. Считается, что Китай – несомненный лидер в цифровизации, проникающей во все сферы социальной жизни. В то же время обращение к специальной юридической литературе КНР показывает, что приоритет принадлежит европейским странам [3]. Именно в них были высказаны первые идеи о необходимости формирования новой концепции государственного суверенитета, подвергающейся обширному влиянию цифровых технологий [4, 5].

В этой части определенный интерес (по ряду причин) вызывают французское законодательство и французская научная доктрина. Во-первых, именно в этой стране термин «цифровой суверенитет» получил свое законодательное закрепление. Статья 29 Закона от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 о цифровой республике¹ обязывает правительство создать Комиссариат по цифровому суверенитету. Его основная цель – способствовать распространению «национального суверенитета в киберпространстве». Обозначим, что такая новелла стала итогом многочисленных общественных дискуссий, в рамках которых подчеркивалась необходимость усиления технологических возможностей Франции и его юридического закрепления. Во-вторых, правовые традиции именно данного государства исходят из провозглашения автономии в определении внешней политики и стремлении отстаивать свой путь развития, даже если он вступает в противоречия с какими-то устоявшимися общемировыми тенденциями. Франция по большинству общественно-политических вопросов всегда отстаивала свое видение, что распространилось и на проблему верховенства собственных законов в онлайн-пространстве. В-третьих, базовую концепцию суверенитета предложил (ввел ее в политический и философский дискурс) Жан Боден – французский философ, политик, профессор права. Это обуславливает историческую преемственность в понимании цифрового суверенитета, которая благодаря трудам иных представителей политических и правовых учений имеет свои корни, свою историю.

К концу 90-х гг. прошлого столетия уже стали проявляться особенности распространения информации в сети Интернет. На тот момент происходило усиление идей глобализации, когда децентрализация (а значит, общее понижение значения государственных границ) достигла своего апогея. К тому же технологические гиганты, начинающие свою мировую экспансию, все больше стали определять нормативы поведения в сети. По-видимому, сочетание указанных факторов привело к тому, что в 1997 г. П. Белланжер сформулировал различия аналогового и цифрового миров, представив новый термин «цифровой суверенитет», и его общее понимание [6]. По мнению автора, аналоговый режим, создав печатные СМИ, телеграф, телевидение и радио, сформировал определенную «логику государств», в рамках которой можно выделить следующие особенности:

- транслирование национальной специфики;
- существование государственных монополий в сфере телекоммуникаций;
- отсутствие единых технических правил для распространения информации с помощью того или иного вида передатчика (радио, ТВ и др.);
- приоритет государственного регулирования всех видов передачи информации;
- разделение звука, текста и видео в передаче информации;
- пассивность аудитории, лишь потребляющей информацию.

Каждое государство, отталкиваясь от указанных особенностей, научилось манипулировать информационными потоками, при этом разделяя их по форме распространения.

Создание микропроцессора П. Белланжер сравнивает с изобретением печати, что повлекло за собой «постепенное исчезновение расстояний (все доступно из любой точки

¹ Loi no 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // REPUBLIQUE FRANCAISE : website. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 02.04.2024).

земного шара), времени (передача происходит со скоростью света), цены (стоимость транспорта по отношению к цене информации становится незначительной)» [6]. Цифровизация становится универсальной и всеобщей, и она для своего роста требует отсутствия барьеров.

Обозначив различные риски, П. Белланжер не представляет понятие цифрового суверенитета. Он лишь призывает на основе общественного консенсуса спроецировать трансформацию Франции в новом цифровом мире, что позволит избежать банкротства государства как системы социального общежития. Обратим внимание, что П. Белланжер – автор многих работ, которые были опубликованы им в дальнейшем и посвящены цифровому суверенитету. В большинстве из них не предлагается прямое определение, но проводится общая идея о продвижении национальных интересов в виртуальном мире [7].

В другой своей работе П. Белланжер обосновывает новую концепцию империализма, обвиняя в ее продвижении Соединенные Штаты Америки, которые объявлены автором основным бенефициаром от появления интернета: «Интернет – это виртуальное продолжение Соединенных Штатов, находящееся под их абсолютным контролем». Одновременно представляется слишком общее определение цифрового суверенитета – «это контроль над нашим настоящим и нашей судьбой, как они проявляются и направляются посредством использования технологий и компьютерных сетей»¹.

Многие работы П. Белланжера отличаются наличием лозунгов, что, по-видимому, должно оказать яркое воздействие на ум читателя. Так, в одном из произведений выделены краткие тезисы о природе интернета (приведем наиболее характерные).

- Интернет не предоставляется к нашим услугам бесплатно. Ее матрица и двигатель – разведывательная индустрия. Его основная функция – сбор информации. Как пользователи, мы подобны индейкам, которые до Рождества наверняка думают, что все заняты ради их благополучия.

- Интернет не виртуальный. Он является составной частью реальности. Реальность – это то, что причиняет боль. Интернет причиняет боль.

- Интернет – это не будущее, предназначенное для энтузиастов технологий, это наше настоящее и наша повседневная жизнь. От регистрации в школьной столовой до самого существования миллионов предприятий, малых или крупных, интернет сегодня необходим каждому.

- Интернет не является новым сектором экономики или общества. Это становится целой экономикой. Интернет не дополняет известный нам мир, он его заменяет [8].

П. Белланжер, обозначив указанные особенности (одновременно определяя их как риски), отмечает опасность кибертерроризма, который, по его мнению, невозможно победить без установления цифрового суверенитета. В этой части логика проста. Суверенитет над сетью означает не владение территорией, а контроль над компьютерной кодировкой. Принцип существования сети – генерирование данных. Государство сможет противостоять терроризму в сети, обладая полным контролем над потоком данных. Подобные идеи высказывались в различных источниках как в России, так и за рубежом [9, 10].

Л. Коэн-Тануги также связывает проблематику цифрового суверенитета с нарастающей на тот момент глобализацией и появлением конкуренции среди самих государств. Синергия инноваций, дерегуляции и глобализации в своем начале вызвала хаос в государственном регулировании, но затем представила строго иерархическую систему, созданную технологическими гигантами, в которой явное доминирование стало принадлежать США. Как итог: «новый цифровой порядок представляет собой для Европы настоящий вызов» [11, с. 134].

Аналогичную позицию занимает П. Тюрк, согласно которой цифровая революция внесла изменения в общий порядок осуществления государством своей верховной власти. Базовый тезис исходит из того, что каждый народ, выстраивая свою политическую систему в лице государства, с помощью законов (иных нормативных актов), принимаемых парламентом от его

¹ Bellanger P. De la souveraineté en général et de la souveraineté numérique en particulier // Les Echos : website. URL: https://archives.lesechos.fr/archives/cercle/2011/08/30/cercle_37239.htm (дата обращения: 02.04.2024).

имени, определяет свою судьбу, обеспечивает безопасность, гарантирует права и свободы человека и гражданина, определяет экономическое развитие. Автор настаивает, что необходимо разделять подходы в распространении цифровых технологий представителей интернет-индустрии и конституционалистов [12, с. 34].

В аналитической работе для органов государственной власти П. Тюрк, следуя идеям П. Белланжера, указывает на новую форму колонизации, осуществляемой гигантами индустрии. При этом четко формулируется американское давление на иных участников рынка. П. Тюрк выделяет две концепции цифрового суверенитета:

1) наступательную, которую продвигают, в частности, Китай и Иран, в рамках этой концепции подразумевается восстановление контроля над данными, формирующимися гражданами стран, над цифровым пространством, а также продвижение собственных интересов в онлайн-пространстве;

2) оборонительную (или либеральную), характерную для Германии и Франции, определяющую возможность защиты государством своих граждан и их законных интересов от противоправных посягательств и коммерческого давления¹.

Г. Хэлпин во всеобщей цифровизации видит новые проявления «когнитивного капитализма», дающего возможность появлению новой «нематериальной аристократии». В этой части цифровой суверенитет должен стать альтернативой «сетевому хаосу», в котором децентрализация будет способствовать лишь проявлениям различных негативных явлений: порнографии, кибертерроризма, кибермошенничества и т.п. [13, с. 207]

Продолжением французского видения заявленной проблематики стало появление Института цифрового суверенитета², основная задача которого систематизировать политико-общественную информацию вокруг выстраиваемой архитектуры и управления интернетом. В миссии Института подчеркивается: цифровой суверенитет больше не ограничивается только сектором новых технологий. Интернет-технологии сегодня меняют основной бизнес всех отраслей промышленности и услуг. В то же время эти технологии меняют целые сферы нашей культурной, социальной и политической деятельности. Действительно, архитектура сетей и услуг, которой стал интернет, с каждым днем все больше выглядит как критическая инфраструктура, чье функционирование тесно связано со всей нашей повседневной жизнью [14, с. 62]. Эволюция интернет-технологий также должна ускорить это явление, а интеграция интернет-технологий в повседневные объекты, которые мы называем «интернетом вещей», должна дать европейским компаниям возможность разрабатывать новые услуги, сохраняя при этом свою конфиденциальность и приватность обмена информацией³.

Во Франции также действует специально созданное Национальное агентство по безопасности информационных систем (Agence nationale de la sécurité des systèmes d'information – ANSSI)⁴. Данный орган, хотя и находится в ведении Генерального секретариата национальной обороны, отвечает не только за обеспечение кибербезопасности и правительственную связь, но и за продвижение национальных цифровых продуктов. Его основные функции:

- защита критической информационной инфраструктуры;
- защита конфиденциальных информационных систем (включая государственные);
- развитие цифрового доверия;
- сертификация безопасных цифровых продуктов;
- аудит кибербезопасности и консалтинг.

Национальное агентство публикует ежегодный отчет о своей деятельности⁵.

¹ Tûrk P. Définition et enjeux de la souveraineté numérique // Les Cahiers français: Comprendre la souveraineté numérique documents d'actualité. 2020. № 415.

² L'Institut de la Souveraineté Numérique : website. URL: <http://souverainetenumerique.fr> (дата обращения: 02.04.2024).

³ La Souveraineté Numérique: un enjeu stratégique pour l'Europe // L'Institut de la Souveraineté Numérique : website. URL: <http://souverainetenumerique.fr/edito> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ ANSSI // REPUBLIQUE FRANCAISE : website. URL: <https://cyber.gouv.fr/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Rapport d'activité 2023 de l'ANSSI // REPUBLIQUE FRANCAISE : website. URL: <https://cyber.gouv.fr/publications/rapport-dactivite-2023-de-lanssi> (дата обращения: 02.04.2024).

Пандемия, возникшая в результате распространения коронавирусной инфекции, привела к экстраординарным ограничениям прав и свобод граждан во всем мире. Правила изоляции, введенные с целью разрыва инфекционной цепочки Covid19, привели к быстрому росту цифровизации. Киберпространство стало новой площадкой для коммуникаций, на которую стремительно перешли и образование, и экономика, и современная политика. Большинство социальных институтов получили приставку «цифровой», тем самым создав два мира – онлайн и офлайн. Одновременно это усилило французскую риторику по отстаиванию цифрового суверенитета. При этом многие исследователи отмечают инициативы со стороны институтов гражданского общества – построение цифрового суверенитета по принципу «снизу вверх». При таком подходе самоорганизующиеся общества формулируют правила, по которым должны действовать добросовестные пользователи, обеспечивая при этом вопросы кибербезопасности [15].

Ж. Ноцетти, выделяя влияние пандемии на технологическую взаимозависимость, считает, что все последующие события обусловили глобальное движение «к учету суверенной логики в цифровой сфере». Таким образом, цифровой суверенитет стал средством достижения геополитических целей, которые разные страны могут формулировать исходя из своих национальных интересов [16, с. 20].

Ф. Г'селл, рассматривая особенности традиционного понимания суверенитета и специфику функционирования интернета, приходит к выводу, что новая виртуальная вселенная была изначально создана для противостояния любой форме власти и, в частности, государственному контролю. В этой части он критикует «киберлибертарианцев», которые провозглашали новые формы границ – не демаркационные линии и пограничные столбы, а экраны и пароли [17, с. 1369]. Их послы: сетевая децентрализация не позволяет устанавливать какие-то национальные правила. Ф. Г'селл отмечает, что регулирование интернета возможно, поскольку конечными пользователями выступают конкретные личности. При этом выявлены негативные тенденции, которые показывают определенную технологическую зависимость Франции от «внешних субъектов». Это проявилось в 2016 г. в получении специального программного обеспечения в целях борьбы с терроризмом (принадлежало компании Palantir, США), а также в 2020 г. в использовании программных интерфейсов Apple и Google для отслеживания передвижения граждан в условиях пандемии. Ф. Г'селл дополняет, что те разработки, которые осуществляют компании в области развития искусственного интеллекта, также имеют ограниченный спектр предоставления. Безусловный лидер по многим приложениям – компания Microsoft (США) – предлагает различные варианты решений обработки больших данных в области медицины [18]. В каждом случае использование иностранных продуктов вызвано тем, что аналогичные решения не могут быть предоставлены французскими разработчиками. Каждое такое использование приводит к передаче большого объема персональных данных. К тому же необходимо учитывать, что медицинские данные отличаются особой чувствительностью, затрагивая базовые сведения личностного характера. Это означает и определенный риск, что полученная информация может использоваться вопреки национальным интересам. Ф. Г'селл подводит некий итог: «В конечном счете, выражение "цифровой суверенитет", похоже, используется не столько для обозначения способности государств действовать в киберпространстве, сколько для выражения их трудностей в выполнении своих традиционных функций перед лицом мощных транснациональных игроков с неоспоримым технологическим прогрессом. Это выражение имеет юридический аспект, поскольку оно относится к прерогативам государства и его способности регулировать современных технологических гигантов» [19].

Вышеприведенные доводы направили представителей политической власти на реализацию идеи цифрового суверенитета, который изначально предлагался как технологическая автономия, позволяющая действовать независимо от предпочтений американских гигантов промышленной индустрии. Во-первых, была поставлена цель – создать собственную операционную систему и протокол шифрования данных. Это должно было стать реальной альтернативой Windows и Mac OS. Во-вторых, еще в 2009 г. была разработана программа «Андромеда»,

результатом которой должен был стать единый национальный центр размещения компьютерных данных (национальное «облако»), что гарантировало бы размещение национальных данных исключительно на территории самой Франции. В итоге две американские компании «Amazon» и «Microsoft» согласились создать дата-центры во Франции, тем самым одобрив размещение хостинговых серверов вне США. В-третьих, были направлены финансовые ресурсы на создание французской поисковой системы «Qwant». Ее отличительная черта, как заявлялось, – безопасность пользователя, предотвращение утечки данных. Но уже на стадии разработок эксперты поняли, что все предложенные французские продукты смогут быть конкурентоспособными только в том случае, если они выйдут на европейский рынок, преодолеют собственные национальные границы. Тем самым произошла эрозия всей концепции цифрового суверенитета¹. Следует добавить, что Комиссариат по цифровому суверенитету, который планировали создать еще в 2017 г., так и не был сформирован.

Особенности цифровой экономики, а именно она является двигателем технологического прогресса и универсальной цифровизации, заключаются в том, что ее основой выступают данные, а также возможность их обработки [20, с. 176]. Кроме того, условием экспансии национальных цифровых продуктов выступает возможность их конкурирования с уже действующими предложениями. Это означает, что французские компании (как и любые другие) должны понимать, что им предстоит участвовать в жесткой борьбе за рынок с такими гигантами индустрии, которые уже имеют определенную долю не в силу политического давления, а за счет собственной инфраструктуры. Например, именно поисковик Google обеспечивает более 90 % интернет-запросов во всем мире, генерируя тем самым огромные объемы данных, которые при соответствующей обработке умножают мощь компании. И если есть проект по замещению Google, то он должен изначально определить стратегию своего развития в условиях жесткой экономической борьбы. В этом аспекте китайские проекты выглядят более перспективными, поскольку, только опираясь на собственное население как потенциальных потребителей, любой из них может иметь аудиторию в полтора миллиарда пользователей. В этой части цифровые технологии, а также продукты их развития в научной литературе иногда рассматриваются как гибридная угроза, посягающая на основы национального суверенитета [21].

Понимание особенностей технологического прогресса в современную эпоху привело к тому, что амбициозные тезисы о цифровом суверенитете Франции в отрыве от иных стран стали стихать. Им на смену пришло понимание необходимости построения цифрового суверенитета в связке с другими государствами, что стало отражаться в различных документах Европейского союза. Сейчас наблюдается рост популярности концепции «Европейский цифровой суверенитет», которая подается как ответная реакция на доминирование американских и китайских компаний. Ее значение заключается в выстраивании автономии Европы и способности стран Евросоюза осуществлять контроль над своими данными и цифровой инфраструктурой. Главное следствие – уравнивание гегемонии неевропейских индустриальных гигантов (освобождение от внешней зависимости). В связи с этим представляется наиболее распространенное определение цифрового суверенитета: «способность государства или союза государств поддерживать и контролировать свое цифровое пространство, уважая при этом свои законы и ценности. Оно охватывает управление данными, безопасность критической инфраструктуры, а также экономическую и технологическую независимость»².

Европейский союз закладывает правовую основу для технологической автономии от неевропейских компаний в области цифровой индустрии. В ее центре два акта, принятых Европейским

¹ Martin V. La République numérique en débat au Parlement: le projet de commissariat à la souveraineté numérique // Conseil constitutionnel : website. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/la-republique-numerique-en-debat-au-parlement-le-projet-de-commissariat-a-la-souverainete-numerique> (дата обращения: 02.04.2024).

² Bonechi B. A. Le renforcement de la souveraineté numérique européenne: enjeux et perspectives // Journaldunet.com : website. URL: <https://www.journaldunet.com/big-data/1527645-le-renforcement-de-la-souverainete-numerique-europeenne-enjeux-et-perspectives/> (дата обращения: 02.04.2024).

парламентом и одобренных Европейским советом в 2022 г., – Акт о цифровом рынке¹ и Акт о цифровых услугах² (вступили в силу в 2023 и 2024 гг.). Их задача – прекращение монополии основных «игроков рынка» на Европейском континенте путем установления специальных обязанностей в отношении предоставления цифровых услуг (или отказа от предустановленных решений и услуг). Основной принцип – установление принципа эквивалентности режима в офлайн и в интернете. Акты затрагивают практически все организации, оказывающие услуги в киберпространстве: интернет-провайдеров, онлайн-платформы, поисковые системы, социальные сети, торговые площадки, организации, предоставляющие облачные услуги и др. На сайте Комиссии публикуется перечень сервисов, которые должны соблюдать введенные ограничения. В частности, в него включены AliExpress, Amazon Store, Apple AppStore, Bing, Booking, Google Maps, Google Play, Google Search, Google Shopping, Instagram, TikTok, Wikipedia, YouTube и др.

Во всех странах Европейского союза должен быть создан «координатор цифровых услуг» – независимый орган, назначаемый каждым государством-членом. Во Франции функции национального координатора будет выполнять Управление по регулированию аудиовизуальных и цифровых коммуникаций (Arcom)³. В настоящее время соответствующий законопроект находится на рассмотрении в законодательном органе страны.

С учетом того, что указанные акты только вступили в силу, а сейчас происходит процесс настройки новых правил, трудно прогнозировать их исполнение. В то же время в официальных органах Европейского союза пока присутствует определенный энтузиазм, связанный с первой возможностью регулирования деятельности основных интернет-платформ. Реальная практика будет нарабатываться, она и покажет сильные и слабые стороны европейских документов.

Сформулируем общие выводы:

1. Французское понимание цифрового суверенитета было сформировано в конце XX в., когда уже стала проявляться в полной мере экспансия американских компаний по предоставлению основного пакета цифровых услуг. Во многом аргументация строилась на эмоциональном фоне неокOLONиализма, при котором Европа теряет свой собственный традиционный суверенитет. Именно эта угроза легла в основу требования об автономии Франции в решении основных вопросов в онлайн-пространстве. Это привело к тому, что французское новаторское предложение о распространении верховенства государственной власти на виртуальный мир стало первым в мире постулатом, имеющим определенное обоснование и сформулированные логичные аргументы. Последующие концепции цифрового суверенитета во многом черпали себя в тех тезисах, которые были представлены французской научной доктриной.

2. Первичное провозглашение цифрового суверенитета во Франции столкнулось с реальной действительностью: цифровые технологии во многом развиваются по своим регламентам, которые формируются не благодаря юридическим правилам, а в соответствии с особенностями своего функционирования. Изначальный тезис о том, что данные являются основой цифровой экономики, стал приобретать наиболее существенное значение, влияющее на любые сферы цифровизации. Таким образом, принципы цифровой экономики вышли за отраслевые пределы, оказывая воздействие на все иные смежные сферы: политику, государственное управление, общественные коммуникации и др. Исходя из этого, конкурентным преимуществом обладает тот цифровой продукт, который может осуществлять обработку наибольшего числа данных. Если цифровой суверенитет сужать национальными рамками, то его значение будет постепенно минимизироваться в силу собственной технологической ограниченности.

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // EUR-Lex : website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R1925> (дата обращения: 02.04.2024).

² Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // EUR-Lex : website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2065> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Arcom : website. URL: <https://www.arcom.fr/> (дата обращения: 02.04.2024).

3. Цифровые технологии обусловили не только снижение роли государства в регламентации межличностных коммуникаций (в широком смысле слова), но и установили новые правила конкуренции за право быть регулятором общественных отношений (которые все больше приобретают цифровой характер). Гиганты интернет-индустрии стали архитекторами управления, претендуя на ряд функций, которые в традиционном понимании всегда считались монополией государства. Отчасти это стало условием широкого распространения концепции цифрового суверенитета в мире. Тем самым государство указывает на свое руководящее положение, пытаясь восстановить приоритет государственного регулирования как в офлайн, так и онлайн пространстве.

4. Обоснование цифрового суверенитета во Франции обладает существенными элементами научной новизны. Ключевые тезисы носят универсальный характер, что позволяет многим государствам осуществлять их рецепцию для оценки собственной ситуации. Российская Федерация не является исключением. Это означает, что уже обозначенные аргументы могут лечь в основу российской политико-правовой доктрины. Кроме того, некоторые суждения, которые столкнулись с реальной обстановкой и не получили своего подтверждения, могут быть учтены и не использоваться при совершенствовании российской правовой базы.

Список литературы

1. Strategic Plan of «Made in China – 2025» and Its Implementations (with) / H. Ma, X. Wu, L. Yan, H. Huang, H. Wub, J. Xiong, J. Zhang // *Analysing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments*. 2018. P. 1–23. doi: [10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001](https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001)
2. Gong W. Information Sovereignty Reviewed // *Intercultural Communication Studies*. 2005. Vol. XIV, № 1. P. 119–135.
3. 余明锋. 数字全球化与数字主权 – 以德国和欧盟为视角 // *国外社会科学*. 2021年第5期. URL: <http://drc.hznet.com.cn/DRCNet.Mirror.Documents.Web/DocSummary.aspx?docid=6315301&leafid=3027>
4. Gordon G. Digital sovereignty, digital infrastructures, and quantum horizons // *AI & Society*. 2024. Vol. 39. P. 125–137. doi: [10.1007/s00146-023-01729-7](https://doi.org/10.1007/s00146-023-01729-7)
5. Carver J. More bark than bite? European digital sovereignty discourse and changes to the European Union's external relations policy // *Journal of European Public Policy*. 2024. Special Issue: Digital Sovereignty: Rhetoric and Reality. P. 1–37. doi: [10.1080/13501763.2023.2295523](https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2295523)
6. Bellanger P. Internet : de L'Aquarium à L'Océan // *Les cahiers de l'audiovisuel*. 1997. № 12. P. 88–101.
7. Bellanger P. De la souveraineté numérique // *Le Débat*. 2012. Vol. 170, № 3. P. 149–159.
8. Bellanger P. Souveraineté numérique et ordre public // *Archives de philosophie du droit*. 2015. Vol. 58, № 1. P. 285–296. doi: [10.3917/apd.581.0310](https://doi.org/10.3917/apd.581.0310)
9. Романовский Г. Б., Кулешова Г. П., Капитонова Е. А. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 1. С. 156–165. doi: [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(1).156-165) EDN: [GMWAWG](https://www.edn.ru/entry/GMWAWG)
10. Fisogni P. Cyber Terrorism and Self-Radicalization – Emergent Phenomena of Onlife Age: An Essay Through the General System Theory // *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*. 2019. Vol. 9, № 3. P. 21–35. doi: [10.4018/IJCWT.2019070102](https://doi.org/10.4018/IJCWT.2019070102)
11. Cohen-Tanugi L. Le Nouvel Ordre numérique. Chapitre 3. Le nouveau défi américain / Sous la direction de Cohen-Tanugi Laurent. Odile Jacob, 1999. P. 121–142.
12. Türk P. Les enjeux d'une souveraineté numérique / Türk P., Vassar Ch. (dir.) *La souveraineté numérique. Le concept, les enjeux*. Maré & Martin, 2018. 239 p.
13. Halpin H. La souveraineté numérique: L'aristocratie immatérielle du World Wide Web // *Multitudes*. 2008. Vol. 35, № 4. P. 201–213. doi: [10.3917/mult.035.0201](https://doi.org/10.3917/mult.035.0201)
14. Талапина Э. В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // *Государство и право*. 2018. № 5. С. 60–67. doi: [10.7868/S0132076918050074](https://doi.org/10.7868/S0132076918050074) EDN: [XPUITB](https://www.edn.ru/entry/XPUITB)
15. Thumfart J. The Covid-crisis as catalyst for the norm development of digital sovereignty. Building barriers or improving digital policies? // *CPDP 2021: Enforcing Rights in a Changing World*. 2021. Vol. 14. doi: [10.2139/ssrn.3793530](https://doi.org/10.2139/ssrn.3793530)

16. Nocetti J. La souveraineté numérique, un instrument de politique étrangère // *Enjeux numériques*. 2023. № 23. P. 18–23.
17. Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders – the Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48, № 5. P. 1367–1402. doi: [10.2139/ssrn.535](https://doi.org/10.2139/ssrn.535)
18. Angerer A., Stahl J., Krasniqi E., Banning S. The Management Perspective in Digital Health Literature: Systematic Review // *JMIR Mhealth Uhealth*. 2022. Vol. 10, № 11. Art. № e37624. doi: [10.2196/37624](https://doi.org/10.2196/37624)
19. G'ssell F. Remarques sur les aspects juridiques de la «souveraineté numérique» // *Revue des Juristes de Sciences Po*. 2020. № 19. Art. 13. P. 52.
20. Экономическое право : учебник / Н. С. Бондарь, Р. В. Амелин, Д. И. Артемова [и др.] ; под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021. 352 с. doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352) EDN: [IYMONQ](https://www.edn.ru/iymonq)
21. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы : монография / Н. Н. Аверьянова, Д. С. Велиева, Е. А. Капитонова [и др.]. М. : Проспект, 2021. 152 с. EDN: [QPDDNB](https://www.edn.ru/qpddnb)

References

1. Ma H., Wu X., Yan L., Huang H., Wub H., Xiong J., Zhang J. Strategic Plan of «Made in China 2025» and Its Implementations (with). *Analysing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments*. 2018:1–23. doi: [10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001](https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001)
2. Gong W. Information Sovereignty Reviewed. *Intercultural Communication Studies*. 2005;XIV(1):119–135.
3. 余明锋. 数字全球化与数字主权 – 以德国和欧盟为视角 // *国外社会科学*. 2021年第5期. Available at: <http://drc.hznet.com.cn/DRCNet.Mirror.Documents.Web/DocSummary.aspx?docid=6315301&leafid=3027>
4. Gordon G. Digital sovereignty, digital infrastructures, and quantum horizons. *AI & Society*. 2024;39:125–137. doi: [10.1007/s00146-023-01729-7](https://doi.org/10.1007/s00146-023-01729-7)
5. Carver J. More bark than bite? European digital sovereignty discourse and changes to the European Union's external relations policy. *Journal of European Public Policy*. 2024;Special Issue: Digital Sovereignty: Rhetoric and Reality:1–37. doi: [10.1080/13501763.2023.2295523](https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2295523)
6. Bellanger R. Internet: de L'Aquarium à L'Océan. *Les cahiers de l'audiovisuel*. 1997;(12):88–101.
7. Bellanger P. De la souveraineté numérique. *Le Débat*. 2012;170(3):149–159.
8. Bellanger R. Souveraineté numérique et ordre public. *Archives de philosophie du droit*. 2015;58(1):285–296. doi: [10.3917/apd.581.0310](https://doi.org/10.3917/apd.581.0310)
9. Romanovskiy G.B., Kuleshova G.P., Kapitonova E.A. Legal foundations of countering cyberterrorism in Russia and abroad from the position of social and political dimension. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2020;14(1):156–165. (In Russ.). doi: [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(1).156-165)
10. Fisogni R. Cyber Terrorism and Self-Radicalization – Emergent Phenomena of Onlife Age: An Essay Through the General System Theory. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*. 2019;9(3):21–35. doi: [10.4018/IJCWT.2019070102](https://doi.org/10.4018/IJCWT.2019070102)
11. Cohen-Tanugi L. *Chapitre 3. Le nouveau défi américain. Le Nouvel Ordre numérique*. Sous la direction de Cohen-Tanugi Laurent. Odile Jacob, 1999:121–142.
12. Türk P. *Les enjeux d'une souveraineté numérique. La souveraineté numérique. Le concept, les enjeux*. Maré & Martin, 2018:239.
13. Halpin H. La souveraineté numérique: L'aristocratie immatérielle du World Wide Web. *Multitudes*. 2008;35(4):201–213. doi: [10.3917/mult.035.0201](https://doi.org/10.3917/mult.035.0201)
14. Talapina E.V. State sovereignty in information space: new tasks of law. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*. 2018;(5):60–67. (In Russ.). doi: [10.7868/S0132076918050074](https://doi.org/10.7868/S0132076918050074)
15. Thumfart J. The Covid-crisis as catalyst for the norm development of digital sovereignty. Building barriers or improving digital policies? *CPDP 2021: Enforcing Rights in a Changing World*. 2021;14. doi: [10.2139/ssrn.3793530](https://doi.org/10.2139/ssrn.3793530)
16. Nocetti J. La souveraineté numérique, un instrument de politique étrangère. *Enjeux numériques*. 2023;(23):18–23.
17. Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders – the Rise of Law in Cyberspace. *Stanford Law Review*. 1996;48(5):1367–1402. doi: [10.2139/ssrn.535](https://doi.org/10.2139/ssrn.535)

18. Angerer A., Stahl J., Krasniqi E., Banning S. The Management Perspective in Digital Health Literature: Systematic Review. *JMIR Mhealth Uhealth*. 2022;10(11):art. № e37624. doi: [10.2196/37624](https://doi.org/10.2196/37624)

19. G'ssell F. Remarques sur les aspects juridiques de la «souveraineté numérique». *Revue des Juristes de Sciences Po*. 2020;(19):52.

20. Bondar N.S., Amelin R.V., Artemova D.I. et al. *Ekonomicheskoe pravo: uchebnik = Economic law: textbook*. Moscow: Prospekt, 2021:352. (In Russ.). doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352)

21. Averyanova N.N., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i bezopasnost v sovremennom mire: gibridnye ugrozy i novye vyzovy: monografiya = Human rights and security in the modern world: hybrid threats and new challenges: monograph*. Moscow: Prospekt, 2021:152. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

В. Г. Романовский – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

V.G. Romanovsky – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 14.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.04.2024

Принята к публикации / Accepted 30.05.2024